

Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку
Муниципальный этап

7 класс

Сделайте комплексный анализ текста

Михаил Павлович Кориунов

Промышленные микробы

1

Уже давно мы так живём. А всё потому, что мама делает науку: будет защищать звание кандидата.

Делать науку помогают: папа Серёжа (это Серёжа-старший), сын Серёжа (это Серёжа-младший) и ещё дочка Витаська.

Мамина наука называется: «Микробы в промышленности». Кому ни скажешь – удивляются. А даже Витаське известно, что есть микробы-враги, от которых все болеют, и микробы-друзья, от которых сплошная польза. Они готовят простоквашу, сыр, пиво, лекарства.

Когда утром разносчик молока звонит в квартиру, дверь открывает Серёжа-старший. Мамы нет, она уже в своей лаборатории, где в пробирках и колбах растут промышленные микробы.

Серёжа-старший, заспанный и усталый, покупает кефир. Всю ночь он проверял в маминой науке фамилии учёных и цифры: вдруг машинистка что-нибудь перепутала! А мама всю ночь сочиняла автореферат, который нужно сдать в типографию. Разносчик сочувственно вздыхает. Он носит молоко и кефир в наш дом не первый год и всё про всех знает.

– Тяжело?

– Да, – кивает Серёжа-старший и кричит: – Серёжка! (Это он зовёт Серёжу-младшего.) Деньги!

Серёжа-младший, правда, не всю ночь, а только половину ночи сортировал по номерам фотокарточки микробов. В трусах и тоже заспанный, он бродит по комнате среди маминой науки, разложенной на полу и на столе, «черновики» и «беловики». Трогать ничего нельзя, потому что потом не найдёшь. Проваливаются как сквозь землю. Недавно провалилась цитата. Мама принесла её из библиотеки, выписала из журнала. Но сейчас провалился кошелёк. Невозможно найти. Серёжа-старший с грохотом ставит на кухне бутылки, идёт на подмогу.

Просыпается Витаська. Тоже бродит по комнате. Спотыкается о банки с клеем и красками.

Кошелёк никому найти не удаётся. Зато нашли цитату. Обидно, что мама ходила за ней в библиотеку второй раз.

– Завтра заплатите, – говорит разносчик молока.

– Спасибо.

– Мы готовимся в кандидаты наук, – говорит Витаська.

– Понимаю.

Разносчик ещё раз сочувствует и уходит.

Серёжа-старший отправляется умываться.

Потом Серёжа-младший отправляется умываться.

Потом Витаська. Витаську долго трут полотенцем. Она в разноцветной туши: рисовали графики почвенных грибков и ей доверили чистить перья.

Серёжа-младший будет сегодня завтракать ужином: он вчера не ужинал. Серёжа-старший будет завтракать обедом: он вчера не обедал. И только Витаська будет завтракать завтраком.

Маме следить некогда, кто когда и что ест. У неё забот выше головы. Когда в доме нет ни завтраков, ни обедов, ни ужинов, выручает разносчик молока: все питаются кефиром — промышленным микробом.

2

Серёжа-старший продолжает сверять фамилии учёных и цифры. Заткнул уши пальцами, чтобы не отвлекаться.

Витаська намазывает кисточкой клей на фотографии микробов, а Серёжа-младший вклеивает фотографии в те места науки, которые Серёжа-старший уже проверил. Кладёт на стул и садится сверху, прессует.

Звонит телефон.

К телефону бежит Витаська. Серёжа-старший не слышит, потому что не отпускает пальцев от ушей, а Серёжа-младший сидит прессует.

– Мамы нет дома, – отвечает Витаська. – Я передам. Только я уже забыла, что передать.

Серёжа-младший хотел отправиться Витаське на подмогу, но тут Витаська говорит:

– Я уже не забыла. Я уже вспомнила.

Серёжа-младший пересаживается с одной фотографии на другую.

Возвращается Витаська.

– Звонил...

– Ну?

– Звонил... – Витаська морщится, вспоминает.

– Растяпа! – говорит Серёжа-младший.

Он встал со стула.

Витаська хватается руками за щёки, громко смеётся.

– Ты чего?

– Штаны! Сзади!

У Серёжи-младшего штаны сзади в полосках засохшего клея. Как нотная бумага.

Серёжа-старший отпускает пальцы от ушей, Витаська тут же замолкает.

– Оппонент, – вдруг говорит она.

– Что?

– Вспомнила: оппонент!

– Что – оппонент? – настораживается Серёжа-старший.

Слово «оппонент» в доме знают все. Так называются люди, которые будут читать мамину работу.

– Он позвонил и сказал... Ой, Серёжа! – вдруг испуганно кричит Витаська. – Ты наступил на дрожжи!

Серёжа-младший случайно наступил на фотографию дрожжей, которая лежала на полу.

– Что сказал оппонент? – спрашивает Серёжа-старший нетерпеливо.

– Он сказал... – Витаська смущённо замолкает. – Я уже забыла, что он сказал.

– Растяпа! – говорит Серёжа-младший.

– Безобразие! – говорит Серёжа-старший и вновь затыкает пальцами уши, чтобы проверить фамилии учёных и цифры.

Витаська огорчилась. И правда безобразие: мама просила ничего не забывать, а она, Витаська, забывает. Старается, помнит, помнит, а потом забывает. Как-то незаметно это получается.

Очень нравятся Витаське фотографии микробов. Их портреты. Есть микробы худые – кожа да кости. Какие-нибудь кефирные. А есть микробы толстые – не ущипнёшь. Готовят сыр или пиво. Они, конечно, весёлые. Во весь рот смеются.

У Витаськи тоже есть фотография. Её портрет. Висит на стене. Она толстая и весёлая, смеётся во весь рот. Хороший портрет. Он ей нравится.

Звонит телефон.

Теперь к телефону бежит Серёжа-младший. Это мама. Спрашивает, звонил ли кто-нибудь.

– Звонил оппонент. А что сказал, Витаська забыла.

Серёжа возвращается.

Витаська опять хватается за щёки, смеётся.

– Ты чего?

– Дрожжи.

Серёжа смотрит под ноги.

– Нет. На штанах.

Серёжа прессовал, и фотография дрожжей, на которой сидел, приклеилась не к бумаге, а к штанам.

3

Сегодня мастерили таблицы химических соединений на больших листах. Прибивали планочки, а к планочкам привязывали верёвочные петли, чтобы соединения можно было вешать на стену.

Для этого Серёжа-старший разломал на окнах все соломенные шторы: верх и низ этих штор были сделаны из подходящих, по его мнению, планочек, прочных и длинных.

Серёжа-младший предлагал вместо штор палку от половой щётки. По его мнению, если палку удачно расколоть, тоже можно получить подходящие планочки.

Но Серёжа-старший настоял на своём: проще разломать шторы, чем расколоть палку щётки.

И шторы разломали. Планочки обстругивали перочинным ножом. Потом зажимали между ними край таблицы и сколачивали гвоздями.

Гвоздей не было, и Серёжа-младший откуда-нибудь их выдёргивал. Вскоре в доме перестали висеть ковёр, принадлежности для пылесоса, мыльница в ванной комнате и Витаськин портрет. Всё это лежало на полу.

Витаська огорчалась за свой портрет. Но Серёжа-старший сказал, чтобы не огорчалась: когда купят гвозди, снова повесят и её портрет, и мыльницу, и ковёр. А сейчас бежать в магазин за гвоздями некогда.

Витаська сказала: хорошо, она подождёт; только вначале пусть повесят её портрет, а потом мыльницу.

Серёжа-старший приказал Серёже-младшему, чтобы он достал ещё гвоздей. Серёжа достал. Ими сколотили последние планочки на последней таблице.

– Фух-х! – вздохнул Серёжа-старший и вытряхнул из волос стружки.

– Фух-х! – вздохнул Серёжа-младший и убрал клещи.

Последние гвозди для последней таблицы он выдернул в коридоре из-под вешалки. И теперь вешалка тоже лежала на полу.

– Фух-х! – вздохнула Витаська. Ей просто надоело каждый день есть промышленный микроб – кефир.

4

Мама тренируется делать свой доклад. Он должен занять ровно двадцать минут. Таков порядок защиты. Кто-то из знакомых пошутил, сказал: лучше, если доклад займёт восемнадцать минут, тогда две минуты останутся на аплодисменты.

Мама ходит из угла в угол комнаты, смотрит на часы и говорит:

– Глубокоуважаемый председатель учёного совета, уважаемые члены учёного совета!.. – Вдруг говорит Серёже-старшему: – Ты знаешь, начинаю говорить о председателе, а в голову лезет «вагоноуважатый».

– Кто лезет? – удивился Серёжа-старший.

– Ну, «глубокоуважаемый вагоноуважатый; вагоноуважаемый глубокоуважатый».

– Что это такое? – испугался Серёжа-старший. – Откуда это?

– Витаська стихи недавно учила. Маршака. Путаница там. В этом роде что-то.

– Нет. Ты уж, пожалуйста, следи за собой.

– Я слежу. Ну, лезет в голову, и всё.

Серёжа-старший остаётся послушать маму, чтобы перед ней был кто-то живой, чтобы она сосредоточила внимание и в голову не лез «вагоноуважатый».

Мама тренируется весь день. Она сказала доклад Серёже-старшему, Серёже-младшему и опять Серёже-старшему (Серёжа-младший тем временем ушёл в школу), разносчику молока, Витаське, опять Серёже-младшему (тем временем он пришёл из школы, а Серёжа-старший ушёл на работу) и опять Витаське, потому что Витаська никуда не уходила, а сидела на ковре, который больше не висел, а лежал.

Когда мама устала ходить из угла в угол комнаты, она села рядом с Витаськой на этот самый ковёр и сказала свою речь в последний раз:

– Глубокоуважаемый председатель учёного совета! – Потом улыбнулась и тихонько прошептала: – Вагоноуважатый...

Витаська засмеялась...

Мама обняла Витаську и тоже засмеялась.

Это был зал с покатым полом и узкими партами. На сцене стояли кафедра и стол. Кафедра – для мамы. С неё она будет говорить свою речь, защищать звание кандидата наук. Стол – для председателя учёного совета и секретаря.

Зал называется аудиторией.

Серёжа-старший, Серёжа-младший и Витаська сидели в самом конце аудитории. Мама сидела впереди, там, где были её друзья по работе и всякие гости, которые прочитали объявление в «Вечерней Москве» о защите и приехали.

Мама была в чёрном костюме и в белой кофточке. Хотела надеть ещё чёрный бантик. Его кто-то принёс маме. Но бантик попался на редкость вредный: перекручивался, уползал вбок, и мама оставила его дома.

Лаборанты развесили на стенах таблицы химических соединений, которые были сделаны из штор, направили на экран проекционный фонарь, чтобы показывать диапозитивы, расставили на столе колбы и пробирки с микробами.

Серёжа-старший, Серёжа-младший и Витаська принесли с собой портфель. В портфеле были спрятаны цветы. Это для мамы. А для Серёжи-младшего и для Витаськи там были бутерброды. На всякий случай, если проголодаются.

Серёжа-старший, Серёжа-младший и Витаська волновались. Мама тоже волновалась. Она поглядывала на них, а они поглядывали на неё. Скорее бы маму пригласили на кафедру и она начала бы говорить: «Глубокоуважаемый председатель учёного совета (председатель уже сидел за столом), уважаемые члены учёного совета (они уже сидели в зале)!»

Лаборанты принесли ящик, запечатанный сургучной печатью. Печать висела на ленточке и была похожа на красный осенний лист. Ящик нужен для тайного голосования. В него члены учёного совета опустят бюллетени (так сказал Серёжа-старший): кто – за то, чтобы присвоить маме звание кандидата наук, кто – против. Бюллетени – это листки бумаги, но их почему-то ещё называют шарами.

Витаська спросила у Серёжи-старшего, почему шары.

– Какие шары? – не понял Серёжа-старший. Он плохо слушал Витаську.

– Белые и чёрные?

– А-а, да-да... Шары. Их кидали раньше.

– Куда? В ящик?

– Да-да. В ящик.

– А из чего они были сделаны?

– Из бумаги.

– Из бумаги – шары?

– Не знаю. Может, из дерева были сделаны.

– А почему теперь не делают шаров?

– Бюллетени — это шары.

– Шары из бумаги?

– Безобразие! – вдруг сказал Серёжа-старший. – Ты замолчишь или нет?..

Витаська замолчала. Народу в аудитории всё прибавлялось: гости, профессора, студенты, аспиранты.

Мама совсем разволновалась: перестала даже оглядываться. И Серёжа-старший совсем разволновался: вместо бутерброда, который попросила Витаська,

потому что тоже совсем разволновалась, он достал из портфеля цветы. И Серёжа-младший совсем разволновался: он скрестил пальцы на обеих руках и так их и держал. Кто-то ему сказал, что это помогает и задуманное сбывается.

Из-за стола встал учёный секретарь и прочитал мамину биографию. Про Серёжу-старшего в биографии что-то было, а про Серёжу-младшего и про Витаську ничего не было.

Наконец маму пригласили на сцену, где кафедра. В чёрном костюме мама казалась очень тоненькой и очень серьёзной. Заговорила она негромко и спокойно.

Витаське даже почудилось, что всё это происходит дома. Мама рассказывает, а Витаська сидит на ковре и слушает.

Витаська испугалась: вдруг мама в своей речи скажет на председателя «вагоноуважаемый». И он, конечно, тогда обидится и кинет в ящик чёрный шар.

Мама взяла указку и начала что-то показывать на таблице. Потом подошла к столу, к пробиркам и колбам. Тоже что-то показала. Потом на белом экране, увеличенные во много раз, появились микробы: худые и толстые, сердитые и весёлые. Их увеличивал проекционный фонарь. Потом мама закончила своё выступление, и начали выступать оппоненты. Они говорили всякие сложные слова – Витаська их не понимала.

6

С ящика был сорван красный «осенний» лист. Мама, очень тоненькая и очень серьёзная, в чёрном костюме, стояла у кафедры и слушала результат голосования.

И вдруг все в зале захлопали, заулыбались. И мама заулыбалась, начала искать глазами Серёжу-старшего, Серёжу-младшего и Витаську.

Пока они спускались со своего последнего ряда, маму окружили друзья по работе, гости, студенты, аспиранты, члены учёного совета. Маму обнимали, целовали, пожимали ей руки.

Серёжа-старший достал из портфеля цветы. Попробовал пробиться к маме, но не смог. Тогда он отдал подержать пустой портфель Серёже-младшему, а Витаську с цветами посадил к себе на плечи. И мама увидела Витаську и цветы, а Витаська увидела маму и закричала:

– Мы теперь кандидаты наук! Да?..